

РАЗДЕЛ. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5732712>

УДК 81'37 ББК 81.2-3

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА КАЗАК В
НЕОБРЯДОВЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ**

С.В. Бурдун,

ст.преп., кафедра русского языка,

КВВАУЛ,

г. Краснодар

Аннотация: В статье рассматривается лексико-семантическая экспликация концепта КАЗАК в необрядовых лирических песнях кубанских казаков и выявляются дополнительные смысловые компоненты на понятийном, образном и ценностном уровне анализируемого концепта. Полученные результаты показали, что концепт КАЗАК на понятийном уровне включает в себя основные признаки: ‘казак – мужчина, достигший брачного возраста’, ‘казак – холостой мужчина, намеревающийся жениться или ищущий невесту’. Образный компонент включает в себя перцептивные и метафорические признаки, актуализирующие красоту и привлекательность казака, а ценностный компонент имплицитно основной смысл ‘казак – предпочтительный жених’.

Ключевые слова: картина мира, концепт, концептуальный признак, символ, понятийный, образный и ценностный компоненты концепта

**LEXICAL REPRESENTATION OF THE COSSACK CONCEPT IN THE
EXTRAORDINARY LYRIC SONGS OF THE KUBAN COSSACKS**

S.V. Burdun,

Senior Lecturer, department of the Russian language,

KVVAUL,

Krasnodar city

Annotation: The article examines the lexical and semantic explication of the KAZAK concept in non-ritual lyrical songs of the Kuban Cossacks and identifies additional semantic components at the conceptual, figurative and value levels of the analyzed concept. The obtained results showed that the concept KAZAK at the conceptual level includes the main features: “Cossack is a man of

marriageable age”, “Cossack is a single man intending to marry or looking for a bride”. The figurative component includes perceptual and metaphorical signs that actualize the beauty and attractiveness of the Cossack, and the value component implies the main meaning “Cossack is the preferred groom”.

Keywords: picture of the world, concept, conceptual feature, symbol, conceptual, figurative and value components of the concept

Коллективное авторство народных текстов С.Е. Никитина считает существенным признаком, позволяющим фольклору отражать ценностную картину мира любого этноса, поскольку коллектив творит «свое мироздание, свою эстетику, свою аксиологию, свой поэтический язык и свои коллективные культурные тексты» [7, с. 12]. Как отмечает этнограф и историк Н.И. Бондарь, «первостепенное значение в жизни казаков, в их военном и гражданском быту имела песня: строевая, историческая, военно-бытовая лирика, плясовые песни. Многие из них создавались в мужской среде, получая позже более широкое распространение» [2].

Сборники народных песен Кубани [1, 4, 5] включают более 300 лирических песен черноморских казаков и 130 песен линейных казаков. Тематика песен затрагивает любовные отношения молодых людей и описывает семейно-бытовые взаимодействия героев лирических текстов.

Концепт КАЗАК имеет большое количество вербальных экспликаторов в кубанских песнях, поскольку все представления о казачьем мире входят в этот концепт. Отцы, сыновья, мужья – это казаки. Боевое оружие и обмундирование принадлежит казакам. Жены, матери дети, являются казачками и казаками. Основными номинантами концепта в лирических казачьих песнях являются лексемы *ка(о)зак* (162 с/у), *козаченько* (85 с/у), также казак в песнях – *молодец* (17 с/у), *удалец* (11 с/у), *парень* (7с/у), *мальчишка* (5 с/у), *мальчик* (4 с/у), *дружок* (12 с/у), *дружочек* (10 с/у), *друг-казнобушка* (1 с/у), *закубанец* (1), *чорноморец* (3). Лексемы-номинации концепта сочетаются с постоянными эпитетами (*молодой, молоденький, добрый, хороший, славный*) и эмотивными эпитетами (*милый, миленький, гарный, гожий, уродливый (красивый), жартливый (игривый), бравый, удалой, разудалый, сердечный, ненаглядный*), которые эксплицируют мелиоративные коннотации, доброе отношение к казаку, любовь к нему, восхищение им и свидетельствуют о его силе, молодости, красоте. Практически во всех лирических песнях казак – молодой человек, только в песне «Тэче ричка-невэлычка» встречается сочетание *старый козак*: *Козак старый, лита пройшлы, / А ще й нэ женывся* [1, Т1, с.107]. Однако, в этой шуточной песне рассказывается о казаке, который не хотел жениться, долго выбирал невесту, и в результате остался старым и неженатым. Визуальный

образ казака тоже говорит о его молодой привлекательной внешности. *Гэй, козаче, уродливый, молодэнький та й жартливый, / Усочки чорнэсэнки, губоньки пэрловыйи, / Чубчик твий круглэсэнный, та й жупан гарнэсэнный, / Червоная шапочка твоя огулярочка, / Сафьянови чоботци и сабэлька пры боци* [1, Т1, с.378]. *Як козака нэ любыты, колы из ным добрэ житы. / В його сабля, в його усы, нэ жаль мини прыглянувся, / В його очи чорнэсэнки, в його тило билэсэнко. Вин чистээнко оголывся и в жупанык нарядывся* [1, Т1, с.318]. *Очерэт-осока, чорни бровы в козака* [1, Т1, с.294]. *Дэсь мий мылый чорнобрыый коня напувае* [1, Т1, с.116]. *Нэ розтайся, козаченько, / З кучерявым чубом* [1, Т1, с.128]. *Гай элэнэнький, козак молодэнький, Тым я тэбэ полюбыла, шо у тэбэ ус чорнэнький* [1, Т1, с.293]. Черные брови, черные усы, кучерявый чуб, перловые губы, черные глаза, белая кожа, игривый, молодой, красиво одетый, сабля на боку – таков казак. Казак представлен всегда в форме, поскольку «форма была заметным фактором, выделявшим казаков из среды восточнославянского населения, ... она была признаком их привилегированного сословного статуса» [3]. В песне «Ты, крапива моя» линейных казаков образ молодого красавца в черных бахилах, черной черкеске и черной шапке дополнен русыми кудрями: *Обувае он черны бахилочки та на босу ножку. / Надевае он черную черкесочку, / Полы нараспашку. / Надевае он черную шапочку / Да на русые кудри. / Надевае он острую шапечку / На левый бочок* [1, Т2, с.176]. Русые кудри казака встречаются и в других песнях линейцев: *Ой расчесал бы я свои русы кудри* Б2 [1, Т2, с.222]. *Ой же ты мальчик, кудрявчик мой, / Кудряватая головушка твоя. / А кто ж тебе русы кудри завивал?* [1, Т2, с.304]. В песнях черноморцев предпочтение отдается чернявому казаку: *Чорнявого ны забуду, / З русым спать ны ляжу, Як згадаю чорнявого / Так гирко заплачу* [4, Т2, с. 261]. *А я руда родылося, / Чорнявому судылося* [1, Т1, с.339]. *Любыв мэнэ козаченько, хороший, чорнявый* [1, Т1, с. 169]. Примечательно, что чорнявый казак – это норма, которая оценивается положительно, зато чорнявая дивчина отличается своим строптивым и смелым характером: *Та нэ люблю я ни Михайла, ни Наума, / Бо я дивка чорнявая свого ума* [1, Т1, с. 275]. *Чорнявая дивчинонька / Цилується, обнимається. / А билэнька – то ж моя мылэнька, / Слизонькамы умывається* [1, Т1, с. 158].

Казак в песнях часто характеризуется глаголами движения (около 70 контекстов), что свидетельствует об активном образе жизни молодого человека: *Прийшов, прыйшов козаченько / До новой хаты* [1, Т1, с. 172]. *Идэ козак до дивчины* [1, Т1, с. 128]. *Пишов козак сумуючи, / Никого нэ кынув* [1, Т1, с. 128]. *Козаки йдуть, конэй вздуть, а мого нэмае* [1, Т1, с. 116]. *Из-за горы свит билэнький / Дэсь поихав мий мылэнький* [1, Т1, с. 182]. *То идет мой милой / С караула домой* [1, Т2, с. 174]. *Да ходил казак бережиною, / Сорвал веточку ожиновую* [1, Т2, с. 179].

Главная тема лирических песен – любовь, а казак в этих песнях – жених, а именно холостой мужчина, намеревающийся жениться или ищущий невесту [8, с. 477]. Не случайно так высока частотность лексем-дериватов глаголов *жениться*, *сватать* (более 90 сл/у): *Буду дивку з ума зводьыть – покы нэ женюся* [1, Т1, с. 334]. *Чы се жэ тая крыныченька, / Що голуэ купався? / Чы се жэ тая дивчынонька, / Що я жєныхався?* [5, с. 56]. *Та бида, бида нэ женатому, / Як тому горшечку та й щербатому* [1, Т1, с. 1303]. *Нэ топысь, козаче, бо душу загубыш, / Ходим, сэрцэ, повинчаймось, колы вирно любыш. / Вирно любыв, люблю, вирно й жєныхався* [1, Т1, с. 300]. *На що мэнэ сватаеш, колы хаты нэ маеш?* [1, Т1, с. 108]. *Болыть, болыть головонька моя, / Засватана дивчынонька моя* [1, Т1, с. 122]. *А хороша, як мак цвйтэ, хто нэ глянэ – ахнэ. / Пишов бы ййи засватав, так гарбузом пахнэ* [1, Т1, с. 136]. *Я б до тэбэ послав сватив, та того боюся, / Що ты знаеш козацькую похвальбу, Натуся* [1, Т1, с. 179].

В песне «Спородыла мене маты» актуализируется смысл ‘необходимость женитьбы’ изображением казака, стирающего свою одежду: *Как по тот-то бок Кубани казак платье мое, / Он и мое, и не мое, сам речи говорит: Не казачье это дело помыть платье было, / Бо казацкое то дело во фронте стояти, ружье заряжати* [1, Т2, с. 182].

Примечательно, что в проанализированных лирических казачьих песнях лексемы *дивчина* /*дичинонька* насчитывают более 300 словоупотреблений. Практически во всех лирических текстах лексема *казак* сопрягается с лексемами, обозначающими молодую женщину. Глагол *любить* и его дериваты употребляются в песнях более 350 раз: *Чого дывышся на мэнэ, / Скажуть люды: любиш мэнэ* [1, Т1, с. 394]. *Любыв я тэбэ дивчиною, / Любыть буду й молодыцею* [4, Т1, с. 139]. *Нэхай воны й обнимають, / Колы ж разлюбывла* [4, Т1, с. 125]. *Ты козаче, заволоко, любыш мэнэ нэ нароком* [1, Т1, с. 308].

Казак является как субъектом любви, так и объектом. В таких контекстах актуализируется еще одно, зафиксированное в словарях, значение слова жених: *молодой человек, достигший брачного возраста* [8, с. 477]. В качестве субъекта он ждет дивчину вечером или ночью, тайно встречается с ней (*Ишов козак потайком / До дивчины, сэрдэнько, взэрко* [4, Т2, с. 450]) он стоит с ней (*А пид тою калыною / Стоить козак з дивчиною*), спрашивает дивчину о любви (*Витэр дуба хытае, / Козак дивку пытае* [4, Т2, с. 478]), зовет ее (*Клыче козак дивчиноньку / Соби на пораду* [4, Т2, с. 523]), расстается / прощается с ней (*Ой сив, та й загув сызэнькый голубчик, / Сыдя й на тычини. / Ой ех, е-ха-ха, молодой козаченько / Спокынув дивчину* [4, Т2, с. 525]), печалится о своей доле (*Того зажурывся – без доли вродывся* [4, Т2, с. 312]), думает-гадает, любит и страдает от любви (*Любыв я дивчину, / Чорняву, красыву, / А вона мэнэ ни* [4, Т2, с. 207]), погибает из-за

невозможности быть с любимой (*А я и в могилы тэбэ нэ забуду, / Хоть ты пэрэстала любить* [4, Т2, с. 404]). В песне «Ой чийи ж то волы» безответно влюбленный казак печалится и унывает, ищет свою долю. В данном контексте хорошая доля – это взаимная любовь: *Ой пиду я в полэ / Шукать соби долю. / Нэ найшов я доли, / Найшов сыне морэ. / По сыньому морю / Рыба-щука грае, А козак молодэнький / Парочки шукае* [4, Т2, с. 312].

Еще одна особенность казака – умение говорить с девушками, уговаривать их: *Хорош паринь, ой, хорош бравый, / Ой словами ласкавый* [4, Т2, с. 281]. *Ходэ дивка по городу, / Цвиты сие полива. / А за нэю козак ходэ / вин дивчину вговоря* [4, Т2, с. 309]. *Пид тим дубом кучерявым / Козак дивку вговоряв* [4, Т2, с. 386]. *Як умовил вин дивчину, / Сам сидае на коня...* [4, Т2, с. 386]. В песне «Ой на горушке» в корчме встретились поляк, бурсак и донской казак. Поляк и бурсак пьют, а донской казак уговаривает шинкарку уехать с ним на Дон: *Донской казак пьет, / Пьет, на выдумки бьет / И на выдумки бьет / Шинкарку подмывает: «Поедем, шинкарка на наш на тихий Дон»* [1, Т2, с. 175].

Другой звуковой характеристикой казака является его способность стучать в окно, вызывая девушку: *Пидійду я пидь виконце – стукну, / Пидійду я пид другеє – грюкну* [5, с. 54]

Красивый, молодой, удалой казак – мечта каждой девушки. Просьбы девушки к родителям о выданье ее замуж, актуализируют смысл 'казак – предпочтительный жених': *Отдай, отдай, маминька, / Куда хочется. / Отдай ны за старого, / Ны за малого. / Отдай за козаченька / Разудалого* [4, Т2, с. 199]. *А тэпэр я възька, трэба мини чоловика, / Ни старого, ни малого, казаченька молодого. / Шоб и в поли орав, и худобу дбав, / А мэнэ ж молоду., та хозяйкою звав* [1, Т1, с. 293]. Примечательно, что в поле пашет только женатый мужчина, молодой казак в лирических песнях не пашет. В песне «По за гаєм, гаєм» в поле пашет дивчина, а казак ей только помогает: *Там орала дивчинька волюком чорнэньким, / Орала, орала, нэ вмила гукаты, / Та наняла козаченька на скрыпочку граты* [1, Т1, с. 300]. При этом песня рассказывает о женитьбе казака на богатой девушке.

Казак может быть богатым и небогатым. *Нэхай вона мэнэ нэ ждэ, нэхай вона замиж идэ, / Бо я козак пребогатый, е у мэнэ скот рогатый* [1, Т1, с. 192]. *А я бидный, бесталаный, / Бэз роду, бэз хаты, / Нэ довэлось мэни в свити / Вэсэло гуляты* [1, Т1, с. 132].

Бедный казак часто упрекает свою долю: *Доля моя злая, чом ты нэ такая, / Чом ты нэ такая, як доля чужая? / Другим даеш лышине, мэнэ обижаеш, / И шо мини мыло, то й тэ отнимаеш* [1, Т1, с. 63]. Богатство приносит почет, уважение, внимание девушек: *Добрэ тому богатому, / Його лоды знают, / А зо мною стричаються, Мов нэ добавають. / Богатого, губатого / Дивчина шанує. Надо мною, сырою, / Смиється, кэпкує*

[1, Т1, с. 221]. *За що мэнэ розлюбыла, хіба я наскучив? / Чи богатый е у тэбэ, другый и получий?* [1, Т1, с. 160]. *Йды, козаче, чорт з тобою, я ще тэбэ кочергою, / Женыха ж мы найдэм сами и з товаром и з вивцями* [1, Т1, с. 327]. Таким образом, выявляется еще один смысл 'богатый казак – хороший жених'. Богатство / бедность – признак, по которому разделяется общество, это противопоставление коррелирует с противопоставлением *свой / чужой*. Социальное разделение важнее эмоциональной, душевной близости: *Ты богатый – я убога. / Як мы будэм кохатыся, / Будуть людэ смиятыся* [1, Т1, с. 182]. *Ты ж до мэнэ нэ ходы, та й ты ж мэнэ нэ любы, / Ты богатый и хороший, а я бідна и бэз грошей* [1, Т1, с. 186]. *Я, сэрдэнько, нэ богатый, в мэнэ врагив повна хата, / Хоч я тэбэ нэ визьму, так ворогив подражню* [1, Т1, с. 275]. «*Ой, як бы ты, дивчинонька / Була багатэнька, / Взяв бы тэбэ за рученьку, / Повив до батэнька*». / «*Ой як бы я, козаченько, / Була багатэнька, / Наплювала б я на тэбэ, / На твого батэнька*» [4, Т2, с. 523].

Служебный мир казака зависит от семейного гражданского мира, снаряжающего воина на службу, поэтому материальное состояние семьи – важный фактор при выборе жениха или невесты: *Та нэ вэлыть маты тэбэ, дивчино, браты. Та вэлыть мини маты – дэ чотыри волы браты. / Дэ чотыри волы и два коныка в дышли, / А як же и любыты, колы нэ домысли* [1, Т1, с. 205]. *Богачу, богачу, я тэбэ давно бачу, / Нэ сватай моей дочкы, бо коров нэ маю* [1, Т1, с. 116]. В песне «Мои гусы-лэбэдыта» казак предпочел богатую вдову бедной девушке: *У вдовицы две свитлыци, ще трэтя кимната, / Гэй, тым, козак вдоуу любыв, що вдова богата* [1, Т1, с. 219]. Однако в немногих контекстах казак готов принять любимую и без богатства: *Нэ трэба мни злота, я сам прэдбаю, / А трэба дивчины, шо я кохаю* [1, Т1, с. 217].

Как объект девичьей любви казак именуется ласковыми словами, актуализирующими метафорические смыслы, 'казак – голубь', 'казак – соколик', 'казак – орел', 'казак – сердце', 'казак – душа': *Скажи, скажи, голуб сызый, / Ой чого, чого заболив?* [4, Т2, с. 203]. *Куда йидэш, козаче? / Козаче-соколэ, / Возьмы мэнэ з собою* [4, Т2, с. 190]. *Куда йидэш отйизжаеш, Сызокрылый орлэ?* [4, Т2, с. 382]. *Гудзи в його у контуши, козаченько, моя душа* [1, Т1, с. 318]. *Вона йому одказала: «Бувай здоров, сэрце»* [1, Т1, с. 103].

Группа контекстов актуализирует смысл 'безответная любовь к казаку'. При этом казак нередко бывает неверным, жестким и категоричным при отвержении прежней возлюбленной: *Ой ны по правди, / Молодой козаче, / Ой живеш з дивчиною* [4, Т2, с. 195]. *Я до тэбэ больш ны прыйду, / Ныхай хтось другый йдэ. / Е у мэнэ дивчинонька / Вона мэнэ ждэ* [4, Т2, с. 205]. *Ой скажу ж я, мыла, / Шо я тэбэ люблю, / А сватать нэ буду* [4, Т2, с. 233]. *Уласкав варвар словами, ой, / А я вирыла йому. / Сам пойихав, мэнэ бросыв,*

ой, / *Ще й малютку на руках* [4, Т2, с. 237]. Вдали от дома он может найти новые привязанности и забыть свою избранницу: *Хотел меня милый до веку любить / А теперь милый покинул, позабыл. / На чужой-то на дальней стороне* [1, Т2, с. 343]. В песне «Лытив ворон черз сад зэлэный», рассказывающей о том, как оставленная девушка отравила казака, актуализируется символическое значение казак – ворон: *Лытив ворон черз сад зэлэный / Та й став калыну ламать. / Любыв казак молоду дивчину / Та й став ййи спокыдать* [4, Т2, с. 203]. Ворон здесь является и символом смерти неверного казака, поскольку ворон в фольклоре, по словам Н.И. Костомарова, «птица с неизменно мрачным значением» [6, с. 323].

Казак-изменник получает номинации с негативными коннотациями *варвар, козаче-дураче, заволока, коварный мучитель*. Молодой казак является в некоторых контекстах объектом любви замужней женщины, а сам становится разлучником. В песне «Ой утица моя луговая» молодушка *ночевала ночку во лесочке, / Под ракитовым кусточком / Под бурочкой, под черкесской / С молоденьким козаченьком* [1, Т2, с. 364]. Все вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что казак – это тот, кто нравится женщинам, кого любят женщины.

Таким образом, в лирических песнях концепт КАЗАК вбирает в себя дополнительные значения на понятийном уровне ‘казак – мужчина, достигший брачного возраста’, ‘казак – холостой мужчина, намеревающийся жениться или ищущий невесту’, ‘казак – объект любви женщин’, ‘казак – субъект любви к женщине’.

Образный компонент концепта имплицитно перцептивные представления о возрасте, внешности, одежде. Перцептивный образ создается и с помощью глаголов движения, а также глаголов речи, свидетельствующих об умении красиво говорить, уговаривать.

Образный компонент концепта образуют метафорические смыслы с положительной оценкой ‘казак – соколик’, ‘казак – голубок’, ‘казак – орел’, ‘казак – душа’, ‘казак – сердце’, смыслы с негативной оценкой ‘казак – варвар’, ‘казак – мучитель’, ‘казак – заволока’, ‘казаче-дураче’, а также символический смысл ‘казак – ворон’.

Ценностный компонент включает в основном мелиоративные характеристики, выраженные постоянными и эмотивными эпитетами, метафорами. В текстах песен актуализируются следующие смыслы: ‘казак – предпочтительный жених’, при этом ‘бедный казак – плохой жених’, ‘богатый казак – хороший жених’. В ценностный компонент также входит и высокая актуальность концепта, характеризующая частотностью его вербальных экспликативов, номинативной плотностью его именовании. Можно заключить, что для казака женитьба была важным событием в жизни,

а наличие или отсутствие *парочки* коррелирует с его состоянием счастья или несчастья.

Список литературы

- [1] Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков: в 2-х т. / А.Д. Бигдай; под ред. В.Г. Захарченко. – Краснодар: Кн. изд-во, 1992. Т. 1. 440 с.; 1995. Т. 2. 512 с.
- [2] Бондарь Н.И. Воины и хлеборобы (некоторые аспекты мужской субкультуры Кубанского казачества). [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruplace.ru/knigi-teksty/108-voprosy-kazachej-istorii-i-kultury-2002/903-voiny-i-khleboroby-nekotorye-aspekty-muzhskoj-subkultury-kubanskogo-kazachestva.html>. (дата обращения: 03.11.2021).
- [3] Васильев И.Ю. Роль горцев Северного Кавказа в формировании системы культурных ценностей кубанских казаков. [Электронный ресурс]. – URL: <http://slavakubani.ru/kazachestvo/cossack-identify/moral-values/rol-gortsev-severnogo-kavkaza-v-formirovanii-sistemy-kulturnykh-tsennostey-kubanskikh-kazakov/>. (дата обращения: 03.11.2021)
- [4] Захарченко В.Г. Народные песни Кубани: сборник: в 2-х вып. / В.Г. Захарченко. – Краснодар: Кн. изд-во, 1987. Вып. 1. 320 с.; 1997. Вып. 2. 586 с.
- [5] Концевич Г.М. Народные песни казаков. / Г.М. Концевич. – Краснодар: Эдви, 2001. 448 с.
- [6] Костомаров Н.И. Славянская мифология. / Н.И. Костомаров. – М.: Чарли, 1994. 688 с.
- [7] Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. / С.Е. Никитина. – М.: Наука, 1993. 190 с.
- [8] Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1988, Т. 5. 800 с.

Bibliography (Transliterated)

- [1] Bigday A.D. Songs of the Kuban Cossacks: in 2 volumes / A.D. Bigday; ed. V.G. Zakharchenko. – Krasnodar: Book. publishing house, 1992. T. 1. 440 p.; 1995. T. 2. 512 p.
- [2] Bondar N.I. Warriors and grain growers (some aspects of the male subculture of the Kuban Cossacks). [Electronic resource]. – URL: <http://ruplace.ru/knigi-teksty/108-voprosy-kazachej-istorii-i-kultury-2002/903-voiny-i-khleboroby-nekotorye-aspekty-muzhskoj-subkultury-kubanskogo-kazachestva.html>. (date of access: 03.11.2021).
- [3] Vasiliev I.Yu. The role of the highlanders of the North Caucasus in the formation of the system of cultural values of the Kuban Cossacks. [Electronic resource]. – URL: <http://slavakubani.ru/kazachestvo/cossack-identify/moral->

values/rol-gortsev-severnogo-kavkaza-v-formirovanii-sistemy-kulturnykh-tsennostey-kubanskikh-kazakov/. (date of access: 03.11.2021)

[4] Zakharchenko V.G. Folk songs of the Kuban: collection: in 2 issues. / V.G. Zakharchenko. – Krasnodar: Book. publishing house, 1987. Issue. 1. 320 p.; 1997. Issue. 2. 586 p.

[5] Kontsevich G.M. Folk songs of the Cossacks. / G.M. Kontsevich. – Krasnodar: Edvi, 2001. 448 p.

[6] Kostomarov N.I. Slavic mythology. / N.I. Kostomarov. – M.: Charlie, 1994. 688 p.

[7] Nikitina S.E. Oral folk culture and linguistic consciousness. / S.E. Nikitin. – M.: Nauka, 1993. 190 p.

[8] Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / ed. A.P. Evgenieva. – M.: Russian language, 1988. T. 5. 800 p.

© С.В. Бурдун, 2021

Поступила в редакцию 18.10.2021

Принята к публикации 05.11.2021

Для цитирования:

Бурдун С.В. Лексическая репрезентация концепта КАЗАК в необрядовых лирических песнях кубанских казаков // Инновационные научные исследования. 2021. № 11-1(13). С. 143-151. URL: <https://ip-journal.ru/>